

18+

КЛАВА

К. В. Яковлев

Деревня, лето, солнце.

Два любящих сердца.

К. В. ЯКОВЛЕВ

**Клава. Деревня, лето,
солнце. Два любящих сердца.**

«Издательские решения»

Яковлев К. В.

Клава. Деревня, лето, солнце. Два любящих сердца. /

К. В. Яковлев — «Издательские решения»,

Рассказ о первой любви пятнадцатилетнего юноши и шестнадцатилетней девушки. Молодой человек проводит лето в деревне у своей бабушки, где встречается соседскую девушку, и у них возникают первые чувства. Эта история о чистых, нежных отношениях двух молодых людей, об их первом опыте общения с противоположным полом, ошибках и первом разочаровании.

© Яковлев К. В.

© Издательские решения

Клава Деревня, лето, солнце. Два любящих сердца.

К. В. Яковлев

© К. В. Яковлев, 2026

ISBN 978-5-0070-7455-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Там хорошо, где нас нет: в прошлом нас уже нет, и оно кажется прекрасным.

Антон Павлович Чехов

Я родился и всю свою жизнь прожил в Москве. Моя мама родом из подмосковной деревни, где я был всего лишь три раза.

В деревне, где родилась моя мама, остались жить ее родители — мои бабушка и дедушка, и ее старший родной брат — мой дядя. Я за свои почти четырнадцать лет никогда свою родню не видел. Моя мама была в ссоре со своими родителями, а особенно с братом. Причину ссоры я так и не узнал, тайну забрали в могилу ее участники. То, что мне известно: ссора произошла из-за моего отца. После этой ссоры мама уехала от своих родителей, закончила институт и осталась жить в Москве.

Мне не было еще четырнадцати лет, когда зимой, в конце 1979 года, умер мой дед. Не смотря на ссору, моя мама, отец и я поехали на похороны. В тот год я впервые оказался в деревне своей мамы. Остановились мы в доме ее родителей, и я увидел свою бабушку.

Я был еще мальчишкой, на похоронах оказался в первые. То, что умер кто-то родной, на меня не действовало. Деда я никогда не видел. Тем не менее, эти события произвели на меня впечатление, я ничего не замечал вокруг. Мозг отказался анализировать и запоминать все то, что произошло. Единственное, что осталось в памяти: как моя бабушка взяла за руку мою маму и, как я позже понял, моего дядю, подвела их к гробу деда и, держа каждого за руки, потребовала: «Перед телом отца, миритесь!»

Они помирились, даже обнялись, а мой отец и дядя пожали друг другу руки.

На следующий день после похорон мы уехали.

Наступил 1980 год, год Олимпийских игр в Москве. Власти старались освободить Москву от лишнего народа, и чтобы я не шатался празднично по городу и не давал повода милиции, было принято решение отправить меня на лето к бабушке, в деревню.

Выехали мы рано утром, в первую субботу моих каникул. Экзамены за восьмой класс и так называемый выпускной «съели» половину июня. За рулем наших «Жигулей» сидел мой отец, мама сидела рядом с ним, я устроился на заднем сиденье и дремал. Мне тогда, пятнадцатилетнему пацану, было абсолютно без разницы, куда и по какой дороге мы едем, главное, что едем. Стояли теплые солнечные дни конца июня. Не смотря на раннее время, было уже светло, автомобилей было мало, и дорога была свободной. Через часа полтора мы свернули с трассы на местную дорогу и поехали по ней через леса, поля, населенные пункты. Мы проехали где-то полчаса, отец притормозил, свернул с шоссе на лево, на проселок, и наш автомобиль, оставляя за собой столб пыли, поехал дальше. Мы остановились около старого дома и вышли из автомобиля. Нам на встречу из калитки вышла бабушка.

— Здравствуй, доченька! — сказала она.

— Здравствуй, мама! — ответила моя мама, и они обнялись.

Бабушка подошла ко мне, обняла меня.

— Здравствуй, Николай! — сказала бабушка довольно сухо моему отцу, не отрываясь от меня.

— Здравствуйте, Антонина Ивановна! — ответил отец ей.

С родителями я провел весь день, а вечером, после ужина, они уехали обратно в Москву. Я остался один со своей бабушкой. Бабушку я не знал, в прочем, так же, как и она меня. За два с небольшим месяца, что я должен был провести здесь, мы должны были узнать друг друга ближе и сойтись, как никак родные. Комнату бабушка выделила мне наверху, под крышей, где из чердака мой дядя сделал себе комнату, в которой жил, пока не женился и не выделился отдельно, как сказала бабушка. Комната была не большая, уютная, с одним окном, смотрящим на улицу. Напротив окна у стены была дверь, за которой сразу начиналась лестница. Окрестности я еще не знал. Решил с утра воскресенья отправиться на осмотр «местных достопримечательностей». Проводив родителей, я пожелал бабушке спокойной ночи и поднялся к себе на второй этаж. Было уже темно. Моя кровать стояла у самого окна, таким образом, что я мог, лежа на ней, смотреть на звездное небо. Фонарей на улице не было, в комнате было темно. Я распахнул окно настежь. Через открытые рамы окна были слышны звуки природы. Раннее просыпание, масса впечатлений за день, свежий воздух, пение соловьев и еще каких-то птиц сделали свое дело: я очень быстро уснул.

Проснулся я от того, что мне в лицо светило солнце. Я взял свои наручные часы, которые лежали рядом на табуретке. Времени было шесть утра. Я, не вставая с кровати, задернул занавеску, лег обратно и отвернулся от окна. Проснулся я в восемь часов, хотя дверь в комнату и была закрыта, пахло жареным тестом: бабушка похоже, что-то жарила. Такой запах обычно был, когда мама жарила оладушки.

Я люблю воскресное утро именно за это. Воскресенье — это единственный выходной день. По субботам учились. Почему в субботу был учебный день, я никогда не мог понять. Родители утром могли бы выспаться, у них был выходной, но их милые детки не давали им такой возможности. В семь утра, а то и раньше, родители будили своих чад, кормили их завтраком и отправляли в школу. В основном доставалось матерям, отцы, как правило, спали. Уже позже, изучая историю права, я узнал, что до 1967 года в Советском Союзе была шестидневная рабочая неделя. Шесть дней работали все: родители, учителя, а ученики учились. После 1967 года, когда страна перешла на пятидневную рабочую неделю, про школы либо забыли, либо не стали этим заниматься, так как нужно было менять учебную программу, а это делалось на государственном уровне. На пятидневное обучение страна начала переходить, лишь в конце восьмидесятых годом.

Я, как все обычные школьники, в воскресенье пытался отоспаться, так как всю неделю вставал рано — в половину седьмого, а из дома нужно было выйти не позднее половины восьмого. Учился я в центре Москвы, а ездил из другого района, на дорогу у меня уходило минут сорок-пятьдесят. Всю неделю хотелось спать, и каждый раз, вставая в школу в половине седьмого, мечтал о воскресенье, когда можно будет спать столько, сколько захочу. Когда же наступало воскресенье, то просыпался я, как назло, сам, в восемь часов утра. Как я ни старался заснуть снова, у меня ничего не получалось, сон не шел. Кроме того, уснуть мешал запах, который шел из кухни. Мама жарила оладушки. Такие оладушки готовила только моя мама. Они были все одного размера, не больше десяти сантиметров в диаметре и сантиметр по толщине. Они были румяные, с хрустящей корочкой по краю. Оладушки были необычного вкуса, я не могу даже описать его. Мамины оладушки можно было есть с гастрономией, с сыром, со сметаной, с вареньем. Оладушки мама всегда жарила очень много. Поэтому, когда садились за стол завтракать, по началу оладушки ели со сметаной, с колбасой или сыром, а под конец —

с вареньем, медом или со сгущенкой, а особенно с вареной, которую мама варила несколько часов в кастрюле с водой.

Варка сгущенки требовала не мастерства, а внимательности. В кастрюлю ставили банку со сгущенкой, заливали водой и ставили кастрюлю на огонь. Внимательность заключалась в том, что нужно было постоянно следить за тем, чтобы вода в обязательном порядке покрывала банку: воду нужно было постоянно доливать. Если упустить этот момент и вода выкипала, то банка со сгущенкой взрывалась, и все стены и потолок становились измазанными сгущенкой.

Первая мысль, которая появилась у меня — это то, что мама вернулась. Лежать я больше не мог. Я встал, оделся и спустился вниз.

Мамы, конечно, не было. У плиты стояла бабушка и жарила оладушки.

— Проснулся? Доброе утро! Умывайся и садись завтракать, — сказала бабушка.

— Доброе утро! — ответил я и пошел умываться.

Хоть это и была деревня, но в доме был газ, водопровод и электричество. Канализация стекала в колодец — в септик. Деревня относилась к богатому совхозу, который и провел в деревню газ, он же пробурил артезианскую скважину для нужд деревни и создал все удобства для своих работников.

Я сел завтракать, бабушка поставила на стол миску с оладушками, поставила крынку с молоком и густую сметану. Внешне оладушки оказались такими же, как и у мамы. Я положил ложку сметаны на оладушек, присыпал его сахарным песком. Сахар стал растапливаться на растекшейся сметане. Я отрезал кусочек оладушка и положил себе в рот. Это было блаженство. Оладушек оказался в точности такой, как и у мамы. Он буквально таял во рту, и у него так же хрустела зажаренная корочка.

— Бабуля, оладушки, как у мамы! Как ты так смогла сделать? — спросил я.

Бабушка, которая продолжала жарить оладушки у плиты, повернулась ко мне, посмотрела на меня, улыбнулась: «Говоришь, как у мамы? Значит, научила. Жалко, что большему не успела», — ответила она.

Я ел оладушки и запивал их молоком. Молоко было парное, очень вкусное и жирное. Корову бабушка не держала уже лет десять. Молоко было от коровы, которую держал ее сын, мой дядька — дядя Петр.

Дядя Петр жил рядом, через забор, со своей женой — тетей Любой и их сыном Олегом, который служил в армии. Когда дядя Петр женился, то отец — мой дед — отрезал ему часть своего участка, где на деньги совхоза дядька построил дом, в котором стал жить. Работал он в совхозе. Сейчас бабушка не сажала даже картошку: после смерти мужа вести хозяйство одной тяжело. Свой огород она отдала дяде Пете, который сажал на нем картошку, свеклу, лук, чеснок — все то, что вырастает в открытом грунте в нашей полосе. Всем своим урожаем он делился с бабушкой, а ей одной много и не надо. Бабушка держала только кур. Кур у нее было много, они были на «свободном выпасе». Во главе кур ходил большой петух. Петух был как в сказке: на голове длинный красный гребень, который под своей тяжестью сгибался и висел на одном боку. Его хвост из разноцветных перьев свисал вниз. У петуха были сильные лапы с большими «шпорами». Петух, как хан, следил за своим гаремом и ревностно его охранял. Бабушка звала петуха — «Паша». Паша был очень заботливым «мужем»: своими мощными лапами он разгребал землю, а затем кудахтаньем звал свое семейство отвесть вкусных червяков, которых он раскопал. Куры с растопыренными крыльями бежали к нему и с радостью принимали угощение. На свое семейство он смотрел сверху вниз. Паша был одноглазым, глаз он потерял в одной из драк с конкурентом, который посмел приблизиться к его женам. Пока куры наслаждались лакомством, петух поворачивал голову боком, высматривал единственным своим глазом приглянувшуюся курочку и, не дав ей опомниться, насккивал на нее. Яиц у бабушки было всегда много.

Петух у бабушки появился случайно. До этого у нее был петух обычный, белый, небольшого роста. Его особенностью был гребень, тоже очень большой, который стоял торчком, как прическа у панков. Как-то к соседям привезли дрова. Бабушкины куры, как обычно, ходили по улице и щипали травку. Среди кур были молодые, еще совсем маленькие желтые цыплята. Бабушкин петух был очень заботливым и внимательным отцом, он не сводил «глаз» с молодняка. Когда водитель грузовика, разгрузив дрова, тронулся, петух бросился буквально под его колеса, так как рядом паслись цыплята. Водитель не успел среагировать и наехал на него. Поднялся шум, все сбежались, выбежала и бабушка. Она подняла петуха на руки. К ней подошел водитель, он извинялся, предлагал деньги.

— Оставь себе, - сказала бабушка. — Небось не из-за хорошей жизни халтуришь. Купи детям своим что-нибудь.

Водитель уехал. Из петуха сварили суп. А через неделю к бабушкиному дому подъехал грузовик, который привозил дрова. Из кабины вышел водитель с корзинкой в руках, завязанной сверху тряпкой, и подошел к калитке: «Хозяйка!» — крикнул он.

Вышла бабушка: «Тебе чего?» — спросила она.

— Держите, мамаша! — сказал он и протянул корзинку.

— Это что?

— А вы сами гляньте.

Бабушка сняла с корзинки тряпку и обомлела. В корзине с перевязанными лапами и крыльями сидел красавец петух. Был он тогда еще совсем маленький, но уже был красавцем.

— Ой, — сказала бабушка, — да что это?

— Берите, мамаша. Это извинения мои за вашего петуха. У тещи выпросил, хотела на рынок вести продавать. У нас их два таких уродилось. Говорю: «Отдайте мне, мама, мне нужно человеку хорошему петуха возместить!»

— Ну спасибо, сынок. Сколько я должна тебе?

— Нет, и не возьму, обидите, мамаша.

— Тебя-то как звать?

— Пашкой, — ответил водитель.

— Ну тогда я его Пашкой и назову, в память о тебе. Не обидишься?

— Да нет, мамаша, ваш петух, вам и звать его.

С тех самых пор петух стал жить у бабушки. Паша меня невзлюбил с первого нашего знакомства. Я позавтракал и вышел во двор осмотреться. Куры ходили по участку, и я, не обращая на них никакого внимания пошел дальше, проходя между ними. Что произошло, я понял не сразу, я почувствовал удар сзади. Я остановился, развернулся и увидел, что здоровенный петух подпрыгивает, вытягивает лапы в перед и пытается ими меня ударить. Я отступил назад, но петух не унимался, он прыгал все выше и выше, помогая себе, размахивая крыльями. Петух намеревался ударить меня в глаза. Я не стал с ним спорить и ушел с поля битвы, оставив Пашу со своими курами. Петух явно считал себя победителем в этой схватке. Когда бабушка узнала это, она сказала, что нужно его хворостиной огреть. Скорее всего, хворостину Паша боится, только в руках бабушки, а не в руках того, кто представляет угрозу его семейству.

Я вышел за калитку участка и решил изучить деревню. В деревне «Новино» было пятьдесят дворов. Деревня располагалась около реки. Река была не большая, метров тридцать шириной. Вдоль реки шла центральная улица, справа и слева от которой были дома. Улица начиналась от въезда в деревню и заканчивалась лугом, на котором жители деревни пасли своих коров. В центре деревни от центральной улицы отходила еще одна, та часть улицы, что шла на право, через три двора заканчивалась у реки, где был небольшой «пляж». Левая часть улицы заканчивалась лесом. В центре деревни, на перекрестке двух улиц, был единственный фонарь, стояла телефонная будка, здесь же находилась водопроводная колонка, около которой была скамейка, как позже я узнаю, это было место сбора местной молодежи. По своей сути улиц

было четыре, так как все они упирались в центр деревни, где была площадка с «круговым движением». Все дома своими фасадами располагались у самой улицы. Перед некоторыми были палисадники с цветами, перед некоторыми домами палисадников не было. У бабушки и дяди Паши перед домом был палисад, там цвели пионы у бабушки красные, большие шары, а у дяди такие же, но белые. В месте с пионами цвели разнообразные ирисы от светло-голубого цвета до разноцветных: желтые с синими лепестками, сиреневыми внешними и белыми внутри лепестками. Цвели так же дельфиниум, на высоких стеблях нежно-голубые, белые и оранжевые колокольчики. Цветов было очень много, ухаживала за всеми этими цветами тетя Люба.

Реку, в пяти километрах от деревни, в низ по течению, в селе «Траширово», в двадцатые годы прошлого столетия перекрыли, построили небольшую гидроэлектростанцию для нужд местного животноводческого комплекса. На базе комплекса в шестидесятых годах был создан совхоз «Траширово». Река разлилась, затопив заливные луга на противоположном низком берегу от деревни. Воды прибавилось, и в районе деревни расстояние от берега до берега стало метров триста-четыре. В «Новино» была ферма, на которой всю жизнь проработала моя бабушка. Дядя Петя работал водителем, отвозил молоко в «усадьбу», как называли село «Траширово», где находилась дирекция совхоза. Я прогулялся по деревне, сходил к каждому ее краю, затем пошел к воде. Снял обувь и вошел в воду. Вода была уже теплая, и я решил вернуться домой, надеть плавки и искупаться. Дом, где жила бабушка, находился в середине улицы, которая шла от центра деревни к лесу. В трех дворах от центра деревни и за три двора от ее края, что был у леса. От воды до дома бабушки нужно было пройти всего шесть дворов. С права от бабушкиного дома, ближе к центру, был дом дяди Пети. Дом дяди Пети был больше бабушкиного. В бабушкином доме в стене на первом этаже было два окна и одно окно на втором этаже. На первом этаже были две комнаты: одна, в которой спала бабушка, вторая комната — гостиная, в этой комнате ели, когда приезжали гости, и в ней же они могли остаться на ночь. В задней части дома с одним окошком во двор была кухня, где бабушка не только готовила еду, но и питалась, там же ели и мы с ней. Дядин дом был в три окна на первом этаже и два окна на втором. На первом этаже у них была спальня и большая гостиная, в которой было два окна. На втором этаже было две комнаты. Когда он строил дом, он с тетей Любой рассчитывали, что у них будет много детей и все будут жить с ними. Они решили, что дети должны спать на втором этаже, чтобы не было соблазна лазить по ночам в окна. Их планы оправдались: у дяди с тетей родилось двое детей: дочь и сын. Со временем дочка вышла замуж и уехала в Наро-Фоминск к мужу, а сын ушел служить в армию. В доме дяди и тети я был всего лишь один раз, когда по просьбе бабушки пришел в их дом за молоком.

— Кость, — обратилась ко мне бабушка, когда я подошел к калитке, — ты на велосипеде умеешь ездить?

— Конечно! — ответил я. — А что?

— Да нужно в магазин съездить, у меня соль закончилась, да и чаю купить надо.

— Хорошо, — ответил я.

— Возьми в сарае дедов велосипед, Петер его вроде как починил. Ой, да ты и не знаешь, куда ехать-то нужно.

Калитка во дворе, что был напротив, открылась, и оттуда вышла женщина.

— Ивановна, привет! — сказала она.

— Здорово, Зина! — ответила моя бабушка.

— Гляжу, внук к тебе приехал!

— Да. Вот в магазин нужно поехать, а он дорогу не знает, может, твоя покажет ему?

— Да чего не показать? — ответила Зина. — Клава, пойді сюда! — крикнула она в сторону открытого окна.

Через некоторое время открылась калитка, и на улицу вышла девушка. Она поразила меня сразу, «с первого выстрела». Я выглядел, наверное, как идиот, потому что смотрел на

девушку, которая только что вышла на улицу, и не мог оторвать от нее своих глаз. Девушка была небольшого роста, скорее даже маленькая, но при этом очень, я бы сказал, складненькая, стройная и очень пропорциональная. Одета она была в легкое ситцевое платье с нарисованными желтыми цветками. Платье было чуть выше колен и застегивалось спереди на пуговики.

— Что, мама? — спросила девушка.

— Съезди с внуком бабы Тони, покажи, где магазин в «Любанино».

Девушка оценивающе посмотрела на меня, как будто она выбирала не провожаемого в магазин, а по меньшей мере жениха: «Хорошо. Нам нужно что-то?»

— Сейчас посмотрю, — ответила женщина.

Девушка развернулась и стала заходить на участок: «Я за великом, будь готов».

Дедовский велосипед оказался черный «Урал», тяжелый велосипед не только весом, но и на ходу. Лишь, благодаря моей спортивной подготовленности я справлялся с ним. Клава ехала на легком не складном велосипеде «Салют». Мы выехали с нашей улицы и повернули на право на центральную улицу, по которой поехали в сторону края деревни. Мы выехали из деревни, и поехали по проселку, нам предстояло проехать пять километров до шоссе, затем по самому шоссе еще километр до магазина. Дорога была хорошо укатанной, без ям. Сразу за деревней с левой стороны стояли пять коровников, а дальше за ними и после них начинался луг, который уходил куда-то очень далеко в лево, и почти у самого горизонта он заканчивался лесом. С правой стороны, за небольшим лужком, который мы проехали, начался лес. Лес был в основном хвойный со старыми соснами и елями, с толстыми стволами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.